Полина Масалыгина

Большая книга о любимом русском

Lingua

Полина Николаевна Масалыгина

Большая книга о любимом русском

Серия «Звезда инстаграма»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48745864
Большая книга о любимом русском: АСТ; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-118896-2

Аннотация

Содержание этой книги напоминает игру с огнём. По крайней мере, с обывательской точки зрения это, скорее всего, будет выглядеть так, потому что многое из того, о чём вы узнаете, прилично выделяется на фоне принятого и самого простого языкового подхода к разделению на «правильное» и «неправильное». Эта книга не для борцов за чистоту языка и тем более не для граммар-наци. Потому что и те, и другие так или иначе подвержены вспышкам языкового высокомерия. Я убеждена, что любовь к языку кроется не в искреннем желании бороться с ошибками. Любовь к языку кроется в принятии – можно сеять разумное, доброе и вечное безо всяких оценочных суждений. Потому что время идёт, мир меняется – и язык это отражает. Это яркое цветное издание станет отличным подарком и будет интересно как детям, так и взрослым, желающим узнать

о самых неожиданных особенностях нашего великого и могучего русского языка.

Содержание

Нам надо поговорить 6
Часть 1 9
Об осуждённых 14
Гуглить и постить 17
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Полина Масалыгина
Большая книга о любимом русском

© Масалыгина П., текст, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Нам надо поговорить

Как чаще всего начинаются книги? С посвящения, знакомства с автором, интригующей фразы, которая манит за собой, как торчащая нитка из запутанного клубка…

Начну, пожалуй, с признания: вы держите в руках научно-популярное издание, содержание которого напоминает игру с огнём. По крайней мере, с обывательской точки зрения это, скорее всего, будет выглядеть так, потому что многое из того, о чём вы здесь узнаете, прилично выделяется на фоне принятого и самого простого языкового подхода к разделению на «правильное» и «неправильное». К слову, на нём же были построены мои предыдущие книги – «Великий русский» и «Могучий русский», где я рассказывала об интересных языковых фактах и разбирала типичные ошибки так, чтобы было понятно каждому. Не вдаваясь в излишние подробности и практически не уводя вас в лингвистическое закулисье.

В этот раз всё будет иначе: мне удалось воплотить в этой книге не просто желание «сделать мир грамотнее», а стать самым настоящим проводником в загадочном лабиринте живого русского языка, стремительно развивающегося и не поддающегося консервации нормами.

Впереди нас ждёт увлекательная беседа: как у людей, пытающихся понять современные процессы, готовых копать

глубже и выходить за рамки под названием «так в школе учили», стремящихся разобраться в причинах тех или иных изменений и не принимающих всё написанное в словарях за чистую монету. Смело? Возможно. Но всему этому давно пора уделять больше внимания.

Эта книга не для борцов за чистоту языка и тем более не для *граммар-наци*. Потому что и те, и другие так или иначе подвержены вспышкам языкового высокомерия, которое не имеет под собой никакого конструктива. Я убеждена, что любовь к языку кроется не в искреннем желании бороться с ошибками, что в принципе равно хроническому указанию на недостатки. Любовь к языку кроется в принятии – можно сеять разумное, доброе и вечное безо всяких оценочных суждений. Потому что время идёт, мир меняется – и язык это отражает. За громкими «авторками», «кофе среднего рода», «хайпом» и прочими героями современных расстрельных списков скрываются куда более тихие и незаметные на первый взгляд процессы: изменения (порой кардинальные) семантического ядра большого количества слов, глобальный переход от одной системы ударений к другой, появление новых стилистических оттенков и так далее. Незаметные, но очень важные и доступные для понимания не только филологам, но и всем носителям русского языка, в чём вы обязательно убедитесь в процессе чтения. Как и в том, что за абстрактным понятием грамотности скрывается не только умение писать без ошибок и хрестоматийное знание всех пра-

вил и норм. Но об этом позже – не буду раскрывать всех карт в предисловии.

А пока я желаю вам приятного чтения и, конечно же, посвящаю эту книгу каждому, кто любит русский язык. Моему школьному учителю – Карасёвой Ольге Фёдоровне, которая привила мне это чувство. Моей семье, которая поддерживала меня в процессе работы. Моим соавторам – читателям блога @great_russian, без дискуссий с которыми мне бы не удалось увидеть современный русский во всём его многообразии.

И, главное, моим детям, за чьё восприятие языка несу ответственность я. В той же степени, как и за содержание этой книги.

Полина Масалыгина
журналист, автор крупнейшего в «Инстаграме» блога о русском языке @great_russian

Часть 1
Компас для говорящего

Пока вы читаете эту книгу, в русском языке ни на секунду не прекращаются активные акцентологические процессы. Возможно, для кого-то такое определение будет новым, поэтому позволю себе пояснить: эта глава посвящена акцентологии (от лат. accentus – ударение и греч. logos – слово, учение) – разделу языкознания, изучающего природу, свойства и функции ударения. К сожалению, в рамках школьной программы ему незаслуженно мало уделяется внимания. Незаслуженно меньше, чем, к примеру, тому же синтаксису или грамматике, морфологии и фонетике. А между прочим, за русским ударением скрывается сложнейшая система с многообразием различных закономерностей – часто понятных нам на интуитивном уровне, но всё равно вызывающих немало вопросов.

Уверена, не найдётся ни одного носителя русского языка, который бы в процессе чтения орфоэпического словаря не воскликнул: «Да ну?! Не может быть! Так же никто не говорит». И этому есть объяснение: все нормы, которые вы можете увидеть в академических источниках, далеко не абсолютны. Во-первых, потому что процесс создания словаря предполагает многолетнюю и кропотливую работу, резуль-

тат которой часто не отражает современные динамические процессы. Во-вторых, зачастую авторы всё же опираются на разные тенденции или по инерции фиксируют устаревающие нормы, делая их предпочтительными в употреблении. Именно по этой причине в словарях даже одного типа мы наблюдаем так много расхождений. В-третьих, никто не отменял влияние узуса (общепринятого употребления языковых единиц) – благодаря ему появляются новые допустимые варианты. И в-четвёртых, всё это подводится к общему знаменателю – отсутствию единых, логически стройных и понятных всем правил, какими мы привыкли их видеть в учебниках.

Наука наукой, но даже с пониманием и полным принятием названных выше пунктов всё равно не теряет своей актуальности насущный вопрос: что делать тем, кто всего-навсего хочет говорить грамотно? Тем, кто устал испытывать чувство неловкости при выборе того или иного ударения или, что ещё хуже, краснеть, когда какой-нибудь всезнайка вдруг прилюдно поправит: «Вообще-то не *тво́рог*, а *творо́г*»? Можно, конечно, с поучающим видом парировать, что сейчас это равноправные варианты и *творо́г* лишь рекомендуется для употребления в СМИ, но глобальную проблему это всё равно не решит. Согласитесь, в большинстве речевых ситуаций у нас нет права на ошибку, даже если ей есть обоснование: думаю, мало кому придёт в голову каждый раз, стоя в очереди или находясь на вечеринке среди малознакомых людей, читать лекцию о прогрессивном и регрессивном уда-

рении, о диспозитивных и императивных нормах и прочих важных, но заумных вещах – наверняка же подумают, что у человека не все дома.

В нашем обществе слишком высок уровень языковой нетерпимости: стоит лишь кому-нибудь грешным делом сказать *зво́нит*, так сразу же особо грамотные товарищи навешивают ярлыки и мысленно осуждают «провинившегося» за неуважение к великому и могучему. Потому что до сих пор фокус большинства носителей языка заострён на так называемых социолингвистических маркерах – своеобразных мигающих маячках, которые сигнализируют об уровне образованности говорящего. Вы наверняка сейчас припомните случаи, когда кто-нибудь из вашего окружения раздражался из-за не признаваемых нормой *договоро́в* или *кремо́в*. Или, может быть, раздражались сами?..

Вот тут как раз и начинается самое интересное. Если мы проанализируем изменения акцентологических норм хотя бы за последние 100 лет, то убедимся, что даже самые яркие маячки со временем гаснут. Потому что, когда дело касается динамики, никто не спрашивает частного мнения. Пусть хоть тысячи людей сейчас воротят носы от того же *марке́тинга*, язык, будучи саморегулируемой системой, постепенно (это может занять десятки, а то и сотни лет) так или иначе всё расставит на свои места. Именно язык и мы как носители, а не Министерство образования или автор какого-либо словаря. И именно постепенно – не упускайте, по-

жалуйста, из виду этот факт.

Важно понимать, что фанатичное зазубривание зафиксированных в словаре ударений бессмысленно – уж давайте смотреть правде в глаза. Нет, я сейчас не призываю вас начать пренебрегать общепринятыми нормами и говорить, как вздумается. Ведь грамотность – это один из показателей культуры, и он априори не может быть лишним. Я призываю каждого (хотя бы во время чтения этой книги) стать снисходительнее к недостаткам в чужой речи, предварительно задумавшись: в какое количество коммуникативных ситуаций мы попадаем ежедневно? Понятно же, что с близкими и друзьями мы можем позволить себе какие-то вольности, а вот во время публичного выступления всё уже будет иначе – общение в рамках официально-делового стиля обязывает нас гораздо тщательнее следить не только за тем, что мы говорим, но и за тем, как мы это делаем.

В этом и кроется ответ на заданный выше вопрос:

> если вы хотите быть грамотным – мало зубрить словарные предписания. Гораздо важнее чувствовать язык и владеть разными регистрами речи: сопоставлять те же нормы с узусом и понимать, что, где, как и когда использовать.

Тут можно было бы поставить точку, но нет – нам ещё предстоит поговорить и об ошибках. Только безо всяких оценочных суждений, потому что и «ошибки» в выборе того или иного ударения тоже бывают разными. Я не случайно за-

ключила это существительное в кавычки, потому что иногда то, что одни считают нарушением норм, на самом деле является следствием развития акцентологической системы и уже давно допустимым вариантом – вариативность ведь никто не отменял. Потому что язык, как и жизнь, не стоит на месте: одни изменения проходят мимо нашего внимания, а другие же вызывают широкий общественный резонанс, особенно когда кто-то посягает на вышеупомянутые социолингвистические маркеры. Ибо как смириться с тем, что то, что ещё вчера сигнализировало о низкой речевой культуре, сегодня уже фиксируется в словарях с пометой «допустимо»? Почему так происходит? Неужели язык умирает и подстраивается под неграмотных? Нет, ничего не умирает, будьте спокойны.

Все новшества и разрывы шаблона в нашем восприятии абсолютно нормальны. В этой главе как раз об этом и поговорим: мы рассмотрим закономерности, которые позволяют нам чувствовать неведомую природу ударения, немного вспомним историю и попытаемся предугадать судьбу некоторых слов. С оглядкой на современные словарные фиксации – куда же без них. Начнём?

Об осуждённых

«Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты», – гласит известный всем афоризм древнегреческого драматурга Еврипида. В нашем же случае можно выразиться иначе: послушай, как говорит человек, и ты поймёшь, где он работает. Потому что любая сфера деятельности так или иначе отличается особой речевой характеристикой: именно благодаря профессионализмам – словам и выражениям, свойственным речи представителей определённой профессии, – мы можем предположить, чем занимается наш собеседник.

Так, например, мы вряд ли удивимся, услышав от кого-нибудь варианты *до́быча* или *промысла́*, и предположим, что человек по роду деятельности связан с какой-либо добывающей отраслью. Кстати, вы обратили внимание на название этой главы? Уверена, моряки бы и бровью не повели и прочитали как «Компа́с для говорящего», хотя литературной нормой конечно же признаётся только *ко́мпас*.

Существование таких вариантов – достаточно уязвимое явление для языка: то, что распространено среди представителей определённой профессии и является в их кругах само собой разумеющимся, общепринятой литературной норме не соответствует. Ярчайший пример проникновения профессионализмов в узус – *ква́ртал* (от лат. quarta – четверть) в значении «четвёртая часть отчётного года». Многие дума-

ют, что ударение в этом слове зависит от значения, но это не так. Употребление существительного *ква́ртал* допускается только в речи экономистов и находится за рамками литературного языка, который по сей день допускает только *квартáл*, что бы это ни значило.

Отдельного внимания заслуживают типичные причастия, связанные с уголовным правом, – *осу́жденный* и *возбу́жденный/возбу́ждено*. Обычно употребление этих вариантов настолько принципиально для следователей, адвокатов, прокуроров, судей и прочих сотрудников правоохранительных органов, что уже и в эфире федеральных каналов нередко из их уст проскальзывают подобные отклонения от нормы (норма – *осуждённый, возбуждённый/возбуждено́*).

Когда в повседневной речи сплошь и рядом встречаются такие проявления языковой идентичности, возникает логичный вопрос: как относиться к ним – как к угрозе грамотности или же как к вспомогательному инструменту в общении? Пожалуй, самым исчерпывающим ответом станет известная в филологических кругах байка о советском металлурге и академике И. П. Бардине, которого однажды спросили: «Как всё же правильно – *кило́метр* или *киломе́тр*?» И он ответил: «Когда как. На заседании президиума академии я скажу *киломе́тр*, иначе академик Виноградов будет морщиться. А вот на Новотульском заводе, конечно, *кило́метр*, а то подумают, что зазнался Бардин». И это ещё раз подтверждает озвученную мною мысль об уместности упо-

требления любых лексических единиц, будь то профессионализмы, диалектизмы или сленг – в языке всему найдётся своё место.

Гуглить и постить

Пока многие с пеной у рта отстаивают ударение в производных формах глагола *звонить*, в русской акцентологической системе постепенно осваиваются всякого рода заимствования. Причём визуально их уже не отличишь от «наших» слов: они спокойно сочетаются с привычными нам морфемами и довольно быстро ассимилируют в соответствии с морфологическими особенностями русского языка.

Среди таких новичков – глаголы *гуглить* и *постить*.

> Гуглить (от англ. Google) – искать информацию в Интернете (не только в поисковой системе «Гугл»).
>
> Постить (от англ. post) – публиковать, размещать информацию в социальных сетях.

Как правильно ставить ударение в этих словах, чтобы не чувствовать себя белой вороной? Точный ответ никто вам не даст, даже несмотря на то, что глагол *гу́глить* уже зафиксирован с ударением на первый слог в «Русском орфографическом словаре» РАН под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой (2018).

Разумеется, в этом есть своя логика: и *гуглить*, и *постить* образованы от односложных существительных *Гугл* и *пост* (в значении «публикация в социальной сети») соответственно. Следовательно, в глаголах сохраняется ударение на том

же слоге, что и в исходной форме: *гу́глить, гу́глишь, гу́глит; по́стить, по́стишь, по́стит*. Это отражается и в узусе: понаблюдайте, как говорят окружающие, наверняка обратите внимание на такие довольно часто встречающиеся варианты.

Одновременно с этим нельзя отрицать и другой сценарий развития событий: и *гуглить*, и *постить* могут примкнуть к двусложным глаголам другого акцентного типа на *-ить*: например, уже набившим оскомину *сверлить, звонить, сорить*, в формах которых пока что единственно верным остаётся ударение на второй слог (*звони́шь, сверли́шь, сори́шь*). Соответственно: *гугли́ть, гугли́шь, гугли́т; пости́ть, пости́шь, пости́т*. Но вот незадача! Даже в таких глаголах на *-ить* уже постепенно (ключевое слово – постепенно!) меняется ударение: раньше и у *включить, перчить, крошить* был только один вариант во всех формах, сейчас же допустимы уже и *вклю́чишь*, и *пе́рчишь*, и *кро́шишь* наряду с образцовыми *включи́шь, перчи́шь, крошишь*.

А есть, например, и такие глаголы, в которых мы никогда бы не заподозрили кардинальных изменений: *дарить* (читаем у Державина: «Ты мысли дерзкия *плени́шь*, / Сердцам незлобие *дари́шь*»), *варить* (у Пушкина: «Печной горшок тебе дороже, / Ты пищу в нем себе *вари́шь*»), *мутить* (у Бальмонта: «Зачем же ты взметаешь пыльное, / *Мути́шь* свою же глубину?»), *катить* (у Крылова: «Попрыгунья Стрекоза /

Лето красное пропела; / Оглянуться не успела, / Как зима *катúт* в глаза») и так далее. И всё это делалось не в угоду рифме и стихотворному ритму, тогда действительно были иные нормы. Стоит ли упоминать, что мы сейчас безо всяких сомнений говорим *да́ришь, ва́ришь, му́тишь, ка́тишь*? Поэтому не исключено, что и вышеназванные «принципиальные» глаголы (*звонить, сорить* и другие) пойдут по этому же пути, как и рассматриваемые новички.

Такой вполне обоснованный прогноз чаще всего вызывает бурю негодования, потому что борьба старых и новых закономерностей не может проходить безболезненно. И я прекрасно понимаю, если вам тоже это не нравится. Но поверьте: пока мы, наши дети и внуки будем гуглить и постить в век онлайн-коммуникации, так или иначе победит один из вариантов. Потому что в этом и заключается развитие языка – никто из нас не в силе этому препятствовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.